

ДЕСМОНД СЬЮАРА

МОНАХИ ВОЙНЫ

ИСТОРИЯ ВОЕННО-МОНАШЕСКИХ ОРДЕНОВ
ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДО XVIII ВЕКА

Десмонд Сьюард
Монахи войны. История
военно-монашеских орденов от
возникновения до XVIII века

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17855061

Монахи войны. История военно-монашеских орденов от возникновения до XVIII века / Пер. с англ. Т.М. Шуликовой: ЗАО Центрполиграф;

Москва; 2016

ISBN 978-5-9524-5176-6

Аннотация

Книга британского историка Десмонда Сьюарда посвящена истории военно-монашеских объединений: орденам тамплиеров и госпитальеров, сражавшимся с неверными в Палестине; Тевтонскому ордену и его столкновениям с пруссами и славянскими народами; испанским и португальским орденам Сантьяго, Калатравы и Алькантары и их участию в Реконкисте; а также малоизвестным братствам, таким как ордена Святого Фомы и Монтегаудио. Помимо описания сражений и политических интриг с участием рыцарей и магистров, автор детально описывает типичные для орденов форму одежды, символику и вооружение, образ жизни, иерархию и устав. Кроме того, автор рассказывает об отдельных личностях, которые либо

в силу своего героизма и выдающихся талантов, либо, напротив, особых пороков и злодейств оставили значительный след в истории орденов.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

I	6
Глава 1	6
II	11
Глава 2	12
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	55

**Сьюард Десмонд
Монахи войны. История
военно-монашеских
орденов от возникновения
до XVIII века**

*Посвящается Питеру Драммонду-Марри из
Мастрика, церемониймейстеру*

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф»,
2016

* * *

I

Введение

Радуйся, храбрый воитель, если живешь и побеждаешь в Господе, но радуйся и ликуй еще больше, если умираешь и соединяешься с Господом. Жизнь может быть плодотворна и победа славна, но святая смерть ради правды важнее. Воистину «блаженны умирающие во Господе», но кольми паче те, кто умирает за Него.
Бернар Клервоский

Глава 1

Монахи войны

Перед вами введение в тему военно-религиозных орденов, в их первую общую историю, написанную с начала XVIII века. Она рассматривает период до Контрреформации, в который они были сообществами монахов-воинов. Однако многие эти ордена существуют до сих пор, например хорошо известный Мальтийский орден; занимаясь в наши дни исключительно благотворительностью, он все же дорожит своей историей и традициями.

Рыцарское братство военных орденов состояло из дворян,

которые давали обеты бедности, целомудрия и послушания, жили по-монашески в обителях-казармах и вели войны с врагами христианства. В своих часовнях они выглядели как монахи, читая псалмы и совершая молебны, а за их стенами были солдатами в военной форме. Три величайших ордена – это тамплиеры, госпитальеры (мальтийские рыцари) и тевтонцы, хотя и ордена Сантьяго и Калатравы тоже были не менее внушительны. Большинство возникло в XII веке с целью предоставить католической церкви ударные войска для Крестовых походов. Они стали первыми западными войсками с дисциплиной и командным офицерским составом со времен Древнего Рима.

Во многих случаях они в буквальном смысле слова старались проложить себе путь на небеса силой оружия. Ведя бесчисленные войны, они всегда были уверены в своем духовном призвании. «Кто против нас, тот против Христа», – утверждали тевтонские рыцари. Ибо священная война когда-то была идеалом всех западных христиан, и Крестовые походы воодушевляли их в течение столетий.

Братья сражались и молились в разных землях – и на разных морях. Как писал Эдвард Гиббон, в Палестинском государстве крестоносцев «самым надежным оплотом служили для Иерусалима рыцари госпиталя Святого Иоанна и Соломонова храма; это было странное сочетание монашеской жизни с военной, созданное фанатизмом, но удовлетворявшее требованиям политики». Благодаря их самоотвержен-

ности Утремер, как звалась страна крестоносцев, в какой-то степени предшественник Израиля, продержался почти два века. После окончательного падения Иерусалимского королевства госпитальеры, сначала на Родосе, потом на Мальте, посвятили себя охране берегов Средиземноморья и защите христианских купцов от турок и варваров-корсаров.

Монахи-воины вели и другую священную войну – в Северной Европе против язычников Латвии, Литвы и Эстонии, где сыграли важнейшую роль в становлении судеб Германии и Польши. Они оказали влияние на все эти страны – в этническом, экономическом и политическом смысле. Современная граница по Одеру – Нейсе между Германией и Польшей, наследие «Дранг нах Остен», «Натиска на восток», в большой степени сложилась благодаря Тевтонскому ордену, чье государство – Орденштаат – едва не достигало Санкт-Петербурга. Именно он создал Пруссию, завоевав балтийских язычников, которые и были первыми пруссами, осуществив самую основательную колонизацию, которую только видело Средневековье. Их лесные кампании против литовцев называют самыми беспощадными среди всех средневековых войн. Польский коридор – это последствие захвата рыцарями Данцига (Гданьска) у князя Владислава Локетка в 1331 году. Первый Гогенцоллерн, который встал во главе Пруссии, был при этом последним хохмейстером – Великим магистром Тевтонского ордена, властвовавшим в этой стране. Победу фельдмаршала Гинденбурга над русскими вой-

сками в Мазурском поозерье в 1914 году сознательно называли Танненбергом в честь битвы, проходившей там на 500 лет раньше, в которой был убит хохмейстер ордена, а его рыцари – практически истреблены славянами. Их черно-серебряный крест лег в основу Железного креста и по-прежнему является эмблемой немецкой армии.

В Испании члены орденов Сантьяго, Калатравы и Алькантары стали проводниками Реконкисты. Они объединили христианское наступление, они разводили скот на безлюдных кастильских плоскогорьях, где из страха перед набегам мавров не смел поселиться ни один крестьянин. Их португальские братья положили начало европейской экспансии благодаря морским экспедициям, полумиссионерским, полугоммерческим. Генрих Мореплаватель, Великий магистр рыцарско-монашеского ордена Христа, предшественника португальских тамплиеров, возглавлял навигационную школу в Сагреше, куда нанимал виднейших географов своего времени и откуда посылал корабли к открытиям под флагом своего ордена.

Удивительно, что о них написано так мало исторических романов. Смертный бой в духе «Сумерек богов», в котором сражались тамплиеры и госпитальеры при падении Акры в 1291 году, отказ хохмейстера Ульриха фон Юнгингена покинуть поле Грюнвальдской битвы, исход которой был предрешен, мальтийские рыцари, слишком израненные, чтобы держаться на ногах, и потому сидя ждавшие последнего турец-

кого штурма в форте Святого Эльма, – вот немногие хорошо известные сцены эпического героизма, которых было гораздо больше. Конец тамплиеров, последнего магистра которых Жака де Моле сожгли заживо на медленном огне, вдохновил нескольких романистов, но, чтобы как следует отдать ему должное, нужна опера. (Из двадцати одного магистра ордена пятеро погибли в битвах, пятеро скончались от ран и один от голода в сарацинской тюрьме.) Эйзен штейн вставил поражение тевтонцев на льду Ладожского озера в 1242 году в сюжет своего фильма «Александр Невский». Есть еще пьеса Анри де Монтерлана «Магистр ордена Сантьяго», но вот практически и все.

К какому бы ордену ни относились рыцари, одно и то же воодушевляло их на берегах и Иордана, и Тахо, и Средиземного, и Балтийского моря. Они были монахами не меньше, чем обычные иноки, – когда нищенствующие монахи проповедовали Евангелие, братья-воины защищали его. «Возьми сей меч: его блеск означает веру, его острие – надежду, гарда – милость. Используй его во благо...» – говорится в церемонии вступления в орден госпитальеров. Пусть Библия и говорит нам, что взявшие меч от меча погибнут, но рыцари видели себя воинами Христа. Они и в самом деле заслуживают называться монахами войны.

II
Латинская Сирия
1099–1291
Крестовые походы и
международные ордена:
Тамплиеры. – Госпитальеры. –
Орден Святого Лазаря. –
Орден Монтегаудио. –
Орден Святого Фомы

*...Таковы те, кого Бог избирает себе и собирает
с дальних концов земли; слуги Божии из храбрейших
в Израиле, поставленные усердно и верно стеречь
Его Гроб и Храм Соломона с мечом в руке, готовые
к битве.*

Бернар Клервоский

Глава 2

Рождение нового призвания

Три величайших военных ордена – тамплиеров, госпитальеров и тевтонцев – основаны в XII веке, в период первого Возрождения, который был свидетелем появления готической архитектуры, зенита папской теократии и интеллектуальной революции, которая достигла высшей точки в лице Фомы Аквинского. Возможно, самой выдающейся личностью этого периода был цистерцианский монах Бернар Клервоский, последний из отцов западной церкви. Орден Храма существовал уже десятилетие, когда Бернар встретился с его основателем Гуго де Пейном в 1127 году, но именно в эту встречу и зародилось военное братство, поскольку святой Бернар сразу же понял, что Гуго вдохновляют противоположные призвания – рыцарское и монашеское.

Аббат Клервоский, величайший нравственный авторитет своего времени, провозгласил, что любовь превосходит знание, и встал во главе перемен в религиозных идеях, когда церковь наконец полностью приняла человечность Христа: на распятии X века Христос – это царь во всем своем величии, Христос Вседержитель, страшный судия, а распятие XII века – это выполненный с состраданием образ измученного человека. Позднее Франциск Ассизский распространил этот посыл среди масс, вызвав потрясения, но в первой половине

века народный энтузиазм нашел выход в лице новых монашеских орденов, в первую очередь цистерцианского. Бернар вступил в орден в 1113 году, когда у того было лишь одно аббатство Сито, а к моменту смерти святого в 1153 году их насчитывалось уже 343.

Аскетический порыв произвел переворот и в папстве. Григорий VII (1073–1085) твердо поставил папство на путь к положению владык и судей западного христианства, требуя, чтобы светские власти подчинялись духовным, как тело подчиняется душе, и мечтая о создании папской армии – войска святого Петра. Европа внимала ему с невиданным почитанием. Когда в 1095 году папа Урбан II призвал верующих возвратить Иерусалим, занятый мусульманами с 638 года, его обращение было встречено необычайным энтузиазмом. Значение Палестины еще более возросло благодаря новому пониманию человечности Христа; в Иерусалиме до сих пор показывали места страстей Господних. То, что город Христа в руках неверных, противоречило всем божеским законам. К счастью, в мусульманском мире от Индии до Португалии царил хаос. Сирия оказалась в более уязвимом положении, чем прежде, будучи раздробленной на княжества под властью сельджукских атабеков, а Фатимидский халифат в Каире пребывал в глубоком упадке. В июле 1099 году крестоносцы штурмовали Иерусалим.

Те, кто затем остался в Палестине, были искателями приключений, в основном французами, которым некуда было

возвращаться, и созданное ими государство отражало феодальный уклад их родной страны. Оно в итоге включило в себя четыре крупных баронства: княжество Галилея, графства Яффа и Аскалон, владение Эль-Карак и Крак-де-Монреаль, Сидон и еще двенадцать областей поменьше. Кроме того, существовали три меньших государства: Антиохийское княжество и графства Триполи и Эдесское. Теоретически без согласия Haut Cour, то есть высшего совета королевства, любая политическая мера считалась недействительной, хотя король обладал огромной властью. Утремер имел форму песочных часов, протянувшись почти на 800 километров от залива Акаба на Красном море до Эдессы, лежащей восточнее Евфрата. В Триполи, в центральной части, он был всего лишь 40 километров шириной, а на юге его ширина не превышала 115 километров. Утремер испытывал хроническую нехватку человеческих ресурсов, притом что его пустынная граница, за которой находились вода и фураж, отнюдь не была непроницаемой. «Франки» опирались на морскую мощь и крепости. Вскоре на море стали господствовать генуэзские, пизанские и венецианские флотилии, жадные до торговли, так как соблазны в виде пряностей, риса, сахарного тростника, страусовых перьев из Африки и мехов из России, ковров из Персии, инкрустированных металлических изделий из Дамаска, шелков и муслина из Мосула и других бесчисленных предметов роскоши манили купцов, селившихся в городах на побережье.

Среди местного населения было много христиан: марониты, мелькиты, сирийские и армянские христиане. Около 1120 года Фульхерий Шартрский писал, что «некоторые из нас женились на сирийках, армянках и даже крещеных сарацинках...» и что его люди – уже не французы, а палестинцы, которых местные воспринимали как соплеменников. Королева Морфия, супруга самого Балдуина II, была дочерью армянского князя. Многие чиновники и купцы были крещеными арабами, а великие бароны брали себе секретарей-мусульман. Но даже если приезжающие из Европы и говорили о «пуленах» – франках, родившихся уже в Сирии, все же нельзя сказать, что возник новый франко-сирийский народ. К местным христианским церквям европейцы относились с презрительной терпимостью, а в Иерусалиме и Антиохии поставили патриархов римско-католического обряда. Правящие классы оставались французскими, и все управление осуществлялось на французском языке.

Тем не менее для франков Иерусалим стал домом. Король одевался в золотой бурнус и куфию и, давая аудиенции, сидел на ковре по-турецки. Знать носила тюрбаны и туфли с загнутыми мысами, шелк, дамаст, муслин и хлопок, совсем не похожие на шерсть и мех Франции. В городах они жили на виллах с двориками, фонтанами и мозаичными полами, отдыхали на диванах, слушали арабские лютни и любовались молодыми танцовщицами. Они ели сахар, рис, лимоны и дыни, купались с мылом в кадках и ваннах, а жен-

щины пользовались косметикой и стеклянными зеркалами, неизвестными в Европе. Торговцы, пообвыкнувшись на восточных базарах, закрывали лица женам, и на похороны христиан приглашали профессиональных плакальщиц. Надписи на монетах делались на арабском. Однако, успешно пустив корни, европейцы ослабили грубый миссионерский порыв, необходимый для того, чтобы отвергаемое меньшинство сумело выжить у границы обширной и враждебной империи. Более высокая цивилизация разнежила франков, но это было не все. Тамошний климат с короткой, но бурной зимой и долгим знойным летом и новые болезни привели к высокой смертности вопреки достижениям арабской медицины.

Соседняя Восточная империя переживала последнее возрождение под властью императоров династии Комнинов. Константинополь со своим миллионом жителей внушил франкам благоговение, хотя они и считали константинопольцев мягкотелыми и развращенными. Раскол с Римом еще не свершился окончательно, но Запад плохо разбирался в восточном христианстве. Византийская армия пока еще была очень грозной и почти целиком состояла из наемников: английской и датской пехоты, печенежской и половецкой конницы.

В то время армяне были свирепыми горными воинами, хотя византийцы убили их князей и поглотили их старинные царства в Великой Армении, в стране у Арарата, где Ной высадился со своего ковчега, поэтому армяне были неспособны

противиться сельджукскому нашествию. «Хайот»¹ не отчаивались, и на протяжении XI и XII веков многие из них переместились в Киликию, на южный берег Малой Азии. Ведомые Рубеном, родственником их последнего царя, они создали новую страну среди долин и утесов Таврских гор, отчасти вырвав их из дрожащих рук имперских правителей, отчасти отвоевав у сельджуков. Они приветствовали возникновение Утремера, их знать брала в жены франкских женщин и приобретала феодальный характер. Но хотя Армения и была союзником франков в борьбе с исламом, она тем не менее соперничала с латинскими государствами.

Успех франков в боях зависел от умелого применения особым образом экипированной конницы на тщательно подобранном поле. Пехота с копьями, с длинными датскими топорами и арбалетами служила прикрытием до момента единого решительного броска. Конница разделялась на два класса – рыцарей и сержантов, доспехи первых состояли из конического стального шлема, кольчужной рубахи с рукавами и капюшоном, которую надевали поверх нижней стеганой рубахи, из подбитых штанов и щита в форме дельтоида. Позднее щит уменьшился, шлем стал закрывать все лицо, появились кольчужные чулки, а также бурнус и намет в качестве защиты от солнца. Рыцарь был вооружен копьем, которое держал под мышкой, длинным обоюдоострым ме-

¹ Франки называли их «эрминами», а их страну в Киликии «Эрминией». (Здесь и далее примечания автора, если не указано иного.)

чом, иногда палицей. В походе рыцарь ехал на запасной лошади или муле, а на выдрессированного боевого коня пересаживался уже перед самым боем. Это были боевые скакуны огромного роста, нередко в семнадцать ладоней, и больше походили на битюга, чем на кавалерийскую лошадь, их обучали кусаться, бодаться и лягаться. У сержантов были аналогичные доспехи, но без хауберка. Они шли в наступление вместе с рыцарями, скача позади них в арьергарде. Для того чтобы правильно рассчитать момент атаки, удерживая войска под палящим солнцем и вражескими стрелами, требовались настоящее командное искусство.

0 20 40 60 80 100 миль
0 50 100 км
Масштаб 0—100 км

Латинская Сирия
и государства крестоносцев
в XII веке

Тюркские противники рыцарей использовали классическую туранскую тактику с высокоманевренными конными лучниками, которые вели стрельбу прямо в седле; они никогда не шли в лобовую атаку, но старались разделить и окружить противника, а потом сойтись с ним в ближнем бою, орудуя короткими саблями или ятаганами. Они стреляли очень быстро и предпочитали атаковать франков на переходе, целясь в лошадей и не давая противнику времени встать в оборонительный строй. Некоторые всадники имели доспехи, но и они ездили на маленьких арабских лошадях, которых выбирали за быстроту.

Франки в какой-то степени даже восхищались турками, но не египтянами. Халиф в Каире, которого франки звали вавилонским королем, был политической и религиозной главой шиитов, не подчинявшихся халифу Багдада, возглавлявшему другую крупнейшую мусульманскую секту – суннитов. Фатимидские армии включали в себя суданских пеших лучников и арабскую конницу, которая бросалась на врага, вооруженная пиками, или ждала атаки франков. Дисциплина у них практически отсутствовала. Однако перед тем, как египтян завоевала династия Саладина, они стали применять конницу сельджукского типа, набранную из рабов кавказского происхождения, которые назывались мамлюками.

Схватки франков с тюрками походили на бой быка с матадором, но, если бык попадал в цель, последствия были разрушительны, и порой одерживались победы вопреки всем ве-

роятностям. Франки и их лошади не просто были крупнее и тяжелее, они лучше бились в ближнем бою и умели наносить удары чудовищной силы. Однако вечной проблемой Утремера было собрать достаточное количество этих схожих с танками воинов.

Когда в 1118 году умер первый король Иерусалима Балдуин I, страна еще находилась в полном хаосе и кишела преступниками; латинскую Сирию не без оснований сравнивали со средневековым заливом Ботани². Многих франков отправляли в Крестовый поход в наказание за страшные преступления, такие как изнасилования и убийства, и там они возвращались к своим аморальным привычкам. Паломники были для них естественной добычей, притом что одной из главных целей Крестовых походов было обеспечение их безопасности в святых местах. Преемник Балдуина I Балдуин II не имел возможностей управлять своим государством. Англосаксонский купец Зевульф поведал о горькой доле паломника в 1103 году, и примерно в то же время немецкий аббат Эккехард писал о грабежах и зверствах как о чем-то совершенно будничном. Вильгельм Тирский заметил, что в первые годы королевства галилейские крестьяне-мусульмане захватывали одиноких паломников и продавали их в рабство.

Гуго де Пейн был не простым авантюристом, а сеньором замка Мартиньи в Бургундии, кузеном графов Шампанских

² В австралийский залив Ботани доставляли преступников для поселения их в исправительных колониях. (*Примеч. пер.*)

и, возможно, родственником святого Бернара, чей отчий дом находился неподалеку от Мартиньи. Гуго прибыл в Сирию в 1115 году, а к 1118 году стал добровольным защитником паломников на опасном пути из Яффы в Иерусалим, на которой постоянно разбойничали шайки из Аскалона. Этот эксцентричный человек буйного нрава уговорил семерых рыцарей из Северной Франции помочь ему, и все они дали перед патриархом торжественную клятву защищать паломников и соблюдать обеты бедности, целомудрия и послушания. Они выглядели очень странно, одеваясь только в то, что им отдавали, но произвели впечатление на короля Балдуина, который передал «бедным рыцарям Христа» крыло королевского дворца – мечеть Аль-Акса, где, как считалось, был Храм Соломона. Кроме того, он вместе с патриархом стал их финансировать.

Еще до Крестового похода в Иерусалиме существовал госпиталь Святого Иоанна Милостивого для паломников, недалеко от храма Гроба Господня; это была одновременно и больница, и странноприимный дом. Его основали около 1070 года купцы из Амальфи. В 1100 году некий брат Жерар, о котором мало что известно, был избран магистром. Вероятно, он прибыл туда еще до крестоносцев. После возникновения королевства количество пилигримов возросло и понадобилась реорганизация; Жерар изменил бенедиктинский устав ордена на августинский, а его покровителем стал другой, более значительный святой Иоанн – сам Иоанн Крести-

тель. Новый орден стал пользоваться глубоким уважением, приобрел имения во многих европейских государствах, и в 1113 году папа Пасхалий II взял его под свою особую защиту. Вероятно, Жерар использовал Бедных Рыцарей для защиты своих больниц, которые открывались по всему Утремуру.

Король Балдуин, очевидно, потерял много людей в кровавой битве в Тель-Шакабе 1126 года, в которой одержал победу. Казалось, эту проблему можно решить еще одним Крестовым походом. Не только Гуго де Пейн был связан со святым Бернаром, но и Гуго, граф Шампанский, основатель аббатства Клерво, присоединился к Бедным Рыцарям; кроме того, новобранцем мог быть и дядя святого Бернара по материнской линии. В 1126 году оба брата прибыли во Францию с письмами от короля Балдуина к святому Бернару, и на следующий день Гуго де Пейн сам пришел к аббату просить о новом Крестовом походе.

За советом к Бернару обращались и другие основатели религиозных орденов – святой Норберт Ксантенский из ордена каноников-премонстрантов и англичанин Гильберт Семпрингхемский. В тот период случилось настоящее поветрие на новые ордена: появились картезианцы, гранмонтинцы и тиронцы, а также общины Савиньи и Фонтевро. Цистерцианцы и тамплиеры возникли на той же волне аскетизма. Однако Гуго и его спутники не представляли свой союз религиозным орденом, пока не встретились с великим аббатом. Документ 1123 года называет Гуго «магистром рыцарей Храма», но его

маленький отряд был всего лишь добровольным братством; исследования последнего времени показывают, что они испытывали трудности с привлечением новобранцев и они были на грани роспуска. Гуго пришел говорить о новом Крестовом походе, а не просить устава для ордена.

Гуго очень понравился святому Бернару, и он пообещал составить для него устав и найти новобранцев. «Они могут сражаться за Господа и быть истинными солдатами Христа». В 1128 году в Труа собрался совет, и по настоянию Бернара Гуго посетил его. Хотя сам аббат там не присутствовал, он прислал устав, который совет обсудил и поддержал. До нас дошли копии устава тамплиеров XIII века, и они гласят, что первая часть устава была составлена «по повелению совета и досточтимого отца Бернара, аббата Клервоского».

Бернар считал новых братьев Гуго военными цистерцианцами. Надо отметить, что в обители братья-рыцари носили белое облачение с капюшоном, как монахи-цистерцианцы, а младшие братья носили коричневые одежды, как послушники. Во время исполнения служебных обязанностей эти одеяния сменял плащ. Из того же источника происходило и правило молчания, которое соблюдалось до такой степени, что в трапезной общались жестами, а простоте, с которой цистерцианцы украшали свои алтари, соответствовала простота оружия и сбруи, какая только была возможна, без крупинки золота и серебра. Братья спали в dormitorioх в рубашках и штанах, как по сей день делают цистерцианцы. За исключе-

нием ночного дежурства, членам ордена строго предписывалось посещать заутрени, так как они произносили молебны хором, но не полную литургию, а малую – псалмы и молитвы, которые легко могли запомнить люди, не умевшие читать; во время военных кампаний вместо утрени произносили тринадцать «Отче наш», семь на каждый литургический час и девять на вечерне. Религиозные службы перемежались военными упражнениями. Пищу принимали дважды в день, в молчании, под чтение Священного Писания во французском переводе, причем особый упор делали на Книгах Иисуса Навина и Маккавейских. Свирепые эскапады Иуды с его братьями и их военных отрядов воодушевляли тамплиеров, отвоевывавших Святую землю у жестоких мусульман. Братья ели, разбившись попарно и следя за тем, чтобы другой не истощил себя постом. С каждой трапезой подавали вино, а мясо – трижды в неделю; умерщвлением плоти для них были лишения войны. Каждому рыцарю позволялось иметь три лошади, но охота, в том числе соколиная, была запрещена, за символическим исключением охоты на льва. Рыцарю полагалось обрезать волосы и отращивать бороду, запрещалось целовать даже мать или сестру, монахинь в орден не принимали ни под каким видом. Магистр был не просто командующим, но и настоятелем. Впервые в истории христианства солдаты вели монашеский образ жизни.

Устав святого Бернара стал основой для уставов всех военных орденов, пусть даже косвенно, будь то цистерцианско-

го или августинского обряда, ибо он дал определение нового призвания. Его идеалы изложены в наставлении «Похвала новому рыцарству», написанном для привлечения новобранцев. Тамплиеры чуть ли не на следующее утро проснулись героями, и пожертвования полились к ним из королевств Арагона и Кастилии, от графа Фландрского и многих других владык. Особенно хорошо Гуго приняли в Англии и Шотландии, а во Франции архиепископ Реймский учредил ежегодный сбор пожертвований. Европа восхищалась этими святыми воинами, защищавшими трон Давида.

Тамплиер в повседневном облачении

Когда в 1130 году Гуго вернулся в Палестину, он принялся создавать систему прецепторий или командорий. Она развивалась медленно, ибо в конечном счете зависела от наличия храмов в приграничных областях, в Иерусалиме, Антиохии, Триполи, Кастилии-Леоне, Арагоне и Португалии, которыми руководили магистры, подчинявшиеся Великому магистру в Иерусалиме. Однако централизация была закончена лишь в следующем веке. Храмы с прецепториями также появились во Франции, Англии (включая Шотландию и Ирландию), Сицилии (включая Апулию и Грецию) и Германии. Из них управляли владениями, в них набирали и обучали новичков и селили престарелых братьев. Все это очень отличалось от тех дней, когда тамплиеры получали лишь скудные средства из епископской десятины.

В середине XIII века иерархия будет включать в себя магистра; его заместителя сенешаля; маршала – главного военачальника; командора королевства Иерусалимского, который одновременно был казначеем, заведовал флотом и распоряжался имениями; командора города Иерусалима, который занимался странноприимными и больничными вопросами; и, наконец, ризничего – что-то вроде главного квартирмейстера или интенданта. Выборы магистра сочетали в себе голосование и жеребьевку с целью обеспечения беспристрастности; такой порядок напоминал избрание венециан-

ского дожа. Несмотря на полномочия магистра, важные решения принимал генеральный капитул. Магистры провинций обладали всеми правами Великого магистра на своих территориях, за исключением случаев его личного присутствия. Маршал был третьим по важности лицом ордена, и ему подчинялись маршалы провинций. На становление этой организации ушло много лет, но ее важность все более возрастала в связи с большим количеством новобранцев. Их число росло за счет рыцарей-собратьев, которые служили лишь временно, пожертвовав половину своего имущества, и имели право жениться. Образцом для этого разряда были цистерцианские собратья-миряне (*confratres*)³.

Орден обладал огромными церковными привилегиями, поскольку подчинялся одному папе и не должен был принимать инспектирующих епископов, хотя вскоре у ордена появился собственный клир; булла *Omne datum optimum*⁴ позволяла братьям-капелланам служить мессу и раздавать Святые Дары даже во время интердикта. Как духовных лиц, братьев мог судить только церковный суд: об ордене говорили, что это одновременно и церковь в церкви, и государство в государстве.

Новые братья вступали в орден не только для того, что-

³ Также высшими лицами ордена были гонфалоньер (знаменосец), вице-маршал и туркопольер.

⁴ До недавнего времени буллу относили к 1139 году, однако профессор Джонатан Райли-Смит показал, что она не могла выйти раньше 1152 года, тем более что в тот год тамплиеры все еще подчинялись патриарху.

бы сражаться, но и для того, чтобы молиться. Они не видели в этом никаких противоречий. По словам святого Бернара, «убивать ради Христа» – это *злоубийство*, а не *человекоубийство*, это уничтожение несправедливости, а не несправедливого, и потому желательно; в самом деле, «убить язычника значит приобрести славу, ибо это прославляет Христа». Задолго до Крестовых походов папы Лев IV и Иоанн VIII говорили, что чистые сердцем воины, погибшие в сражениях за церковь, наследуют Царство Божие. Смерть в бою – мученичество, и этим путем в следующие два столетия прошли 20 тысяч тамплиеров.

Однако в корне их идеалы были идеалами созерцательного монашества. Монах отказывается от собственной воли и желаний ради поиска Бога; монашескую жизнь часто называют мученичеством, в котором монах должен умереть, чтобы воскреснуть. Многие из первых братьев-тамплиеров в конце концов оказались в монастырях, и не будет преувеличением назвать их цистерцианцами. Действительная служба – обычно проходившая в духе пожарной бригады, которая несется по первому зову разбираться с тюркскими захватчиками, – была лишь перерывом в аскетической жизни. Самая большая трудность для монаха – не самоотречение или celibat, а подчинение малейшему приказу командира; тамплиеру не позволялось без разрешения даже поправить стремя. В бою они не давали и не просили пощады, не имели права требовать выкупа. «Они пренебрегали жизнью, но были готовы

умереть на службе Христа», исполненные того священного умоисступления, в котором, по Эккехарду, находились первые крестоносцы. Этих солдат с обрезанными волосами, в белых плащах с капюшонами, невозможно было спутать ни с кем. В случае пленения им грозила смерть; после битвы на Кровавом поле в 1119 году атабек Тогтекин отдавал французских пленников своим солдатам в качестве мишеней для стрельбы или отрубал им ноги и руки и бросал на улицах Алеппо, где их приканчивали горожане, хотя это происходило еще до появления тамплиеров, чья участь была куда горше. Если брат терял свой черно-серебряный Гонфалон-Босеан (Beau Seant), его изгоняли из ордена. Это была высшая кара, которая также полагалась за переход к сарацинам, ересь или убийство христианина.

Папы и богословы часто напоминали им, что священная война – не цель сама по себе и что кровопролитие изначально зло. С первых дней ордена некоторые западные христиане не верили в его идеалы. Английский мистик, цистерцианский аббат Исаак Этуальский написал при жизни Бернара Клервоского: «...этот ужасный новый военный орден, который кто-то весьма лестно окрестил Орденом пятого Евангелия, основан для того, чтобы принуждать неверных принять Христа силой меча. Его члены считают, что имеют право нападать на всех, не исповедующих имя Христово, оставляя его в нищете, если же они сами гибнут, таким образом несправедливо нападая на язычников, их зовут мучениками

за веру... Мы не утверждаем, что все их дела несправедливы, но мы настаиваем, что их дела могут стать образцом для множества будущих зол».

Однако большинство современников восхищались новой общиной, и, когда Гуго де Пейн умер в 1136 году в собственной постели, у рыцарей Храма уже были соперники – Иерусалимский странноприимный орден Святого Иоанна Крестителя. Жерара на посту магистра в 1120 году сменил брат Раймон де Пюи, гениальный организатор. Благодаря своим трудам орден уже стал богатым и популярным, он принимал в Иерусалиме более тысячи паломников в год, а его больницы и странноприимные дома распространились по всему королевству. Он получил пожертвование в виде земли от Готфрида Бульонского, а также приобрел в собственность имения во Франции, Италии, Испании и Англии. Раймон был прекрасным специалистом по управлению этими европейскими владениями, обустроивал дома, доходы от которых шли на доставку еды, вина, одежды и одеял для больниц; некоторые были обязаны снабжать больных дорогостоящими продуктами, например белым хлебом. Папы дали госпитальерам множество привилегий: Иннокентий II запретил епископам налагать интердикт на часовни госпитальеров, Анастасий IV позволил им иметь собственных священников, а англичанин Адриан IV – собственные церкви. В 1126 году упоминается констебль ордена, что предполагает некую военную организацию, но самый ранний год, о котором точно можно гово-

ритель, что орден тогда уже вел военные действия, – это 1136 год, когда король Фульк дал им участок земли в Бейт-Джибрин, в ключевой точке на дороге из Газы в Хеврон. Там выросла первая из огромных крепостей госпитальеров – замок Ибелин. Этим они обязаны святому Бернару, который дал им возможность взять в руки оружие. Христианская война не только стала почетным духовным делом, но и способом обрести святость. Без великого цистерцианца братья-иоанниты никогда бы не превратились в военный орден. К 1187 году они контролировали уже более двадцати великих твердынь Утремера.

Их устав развивался очень медленно. Христианин должен любить Христа в других христианах – эта заповедь была основой странноприимной и больничной деятельности госпитальеров. В уставе тамплиеров говорилось, что брата надлежит исключить из ордена за убийство христианина, но за убийство сарацина-раба полагался только выговор; они не видели Христа в сарацинах. Служение госпитальеров сделало их более человечными, да и присутствие женщин в ордене тоже не могло не оказать смягчающего влияния. Брат Раймон, по-видимому, взял за основу августинский устав и затем опробовал разные идеи из устава ордена Бедных Рыцарей. Братья давали обеты бедности, целомудрия и послушания; они должны были питаться только водой и хлебом и исполнять требования больных, которых посещали ежедневно. Отдельно оговаривалось положение хирургов, которые обе-

дали вместе с рыцарями-монахами, большое внимание уделялось управлению больницей. Как и у тамплиеров, члены ордена разделялись на четыре разряда: рыцари, сержанты, братья-служители и капелланы. Также была оговорка и о рыцарях-собратях из мирян. Булла Александра III от 1178 года гласит, что «по обычаю Раймона» братья могли брать оружие, только когда выносилось знамя креста, – чтобы защищать королевство или напасть на языческий город. Их одеяние состояло из черной мантии с белым крестом на груди, она имела форму круглой палатки и была очень неудобна во время боя, и черной скуфьи (хотя вне обители братья иногда надевали белые тюрбаны)⁵. Кроме того, к каждой больнице были прикреплены сестры милосердия. В двадцати странах военные действия были лишь дополнительным занятием госпитальеров (оно даже не упоминалось в уставе ордена до 1182 года), и его милитаризация была долгим и медленным процессом.

В конце концов его структура стала похожа на устройство ордена тамплиеров, и главными в братстве стали рыцари. Бейлифы, так называли старших офицеров, включали магистра, выбираемого тем же порядком, что и магистр ордена тамплиеров, также он был единственным бейлифом, занимавшим свой пост пожизненно; далее великого прецептора

⁵ Более тщеславные братья, видимо, тратили свои карманные деньги на одежду из лучшей ткани, с вышивкой, с золотой парчой или на шелковые тюрбаны и тому подобное.

(иногда называвшегося великим командором) Иерусалима, заместителя магистра; казначея; маршала; ризничего, или главного интенданта; странноприимника и, наконец, туркопольера, который командовал туркополами – легкой конницей из местных. Командории представляли собой небольшие подразделения рыцарей и сержантов, которые управляли группами примыкающих друг к другу владений. В Сирии командоры подчинялись непосредственно магистру, но в других местах структура была сложнее, и европейские командории объединялись в приории, а приории в провинции, соответствующие странам. Как и у тамплиеров, высшей властью обладал генеральный капитул. Менее многочисленное собрание – ординарный капитул, напоминающий кабинет министров, – помогал магистру и действовал в качестве тайного совета по государственным делам и публичного совета по рассмотрению ходатайств. Его кворум составлял «почтенную палату казначейства». Каждая провинция, приория и командория имела собственный капитул⁶.

Их повседневная жизнь была не менее монашеской, чем у тамплиеров. Служились малые часы. Само собой, псалмы, читавшиеся в поминовение усопших, имели большое значение для воинов, которые часто бились против численно превосходящего врага, которые ожидали смерти так же часто, как и встречались с ней. Поэтому псалом 26 Dominus

⁶ Иногда высшим бейлифам, таким как, например, приор Сен-Жиля (Южная Франция), присваивалось звание Великого командора Запада.

illuminatio mea: «...кого мне бояться? Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться?.. Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться», или псалом 17 Diligam te, Domine: «ибо Ты препоясал меня силою для войны и низложил под ноги мои восставших на меня; Ты обратил ко мне тыл врагов моих, и я истребляю ненавидящих меня: они вопиют, но нет спасающего... я рассеваю их, как прах пред лицом ветра, как уличную грязь попираю их», с горячностью повторяли маленькие конные отряды, выходившие против превосходящих сил врага, и крохотные гарнизоны в осажденных крепостях с недостающим количеством защитников.

Будучи невоенной религиозной общиной, орден принимал причастие чаще мирян – говорили, что после причастия братья бились, словно черти. Однако преданный уход за больными делал духовную жизнь госпитальеров более глубокой, ведь повсюду в своих владениях они устраивали больницы и странноприимные дома. И тогда, и сейчас паломникам было трудно найти пристанище, и потому они имели все причины испытывать благодарность. Госпитальеры регулярно сопровождали караваны, идущие с побережья в Иерусалим. Здесь была больница на 1000 больных для родившихся в Сирии франков и приезжих, которые часто страдали от отравления птомаином, нашествия насекомых, лихорадки паппатачи, офтальмита, пустынных язв и септической лихорадки.

Сначала считалось, что крупнейшие больницы братьев были организованы по византийскому образцу, но их историк более позднего времени высказывает мысль, что братья больше полагались на арабскую медицину. Они, можно сказать, заняли место полевой медицинской службы, ибо после боя, помимо раненых, всегда оставались и другие жертвы с ужасными синяками под кольчугами, контузией и тепловыми ударами. Это двойное призвание – уход и война – позволило госпитальерам сыграть огромную роль в жизни латинской Сирии. Как и тамплиеры, они были освобождены от епископского контроля.

Как войска на передовой, братья несли большие финансовые расходы. Им приходилось покупать оружие и провиант, обеспечивать и ремонтировать крепости и пополнять запасы провизии. Вследствие этого многие члены ордена вынуждены были жить в Европе, чтобы управлять тамошними имениями, которые передали им благочестивые дарители, и посылать доходы в Утремер. Такими владениями распоряжались приоры и командоры, обычно рыцари, реже капелланы и сержанты, которых прислали из Палестины в зрелом возрасте.

Госпитальер в облачении

В уставе тамплиеров подчеркивается, что рыцарь, заразившийся проказой, должен покинуть орден и присоединиться к братьям святого «Ладра» (Лазаря). Проказа, к которой относили все виды кожных заболеваний, была очень распространена в Сирии. Военный и Госпитальерский орден Святого Лазаря Иерусалимского был первым военно-монашеским орденом, который появился после тамплиеров и госпитальеров-иоаннитов. Вероятно, еще до завоевания в Иерусалиме была больница для прокаженных, носившая имя святого Лазаря, которой управляли монахи-греки или армяне из василиан, восточного эквивалента бенедиктинцев. В начале XII века она перешла к франкам-госпитальерам августинского обряда⁷. По преданию, первым магистром ордена Святого Лазаря был Жерар, первый магистр иоаннитов, и это может означать, что он отрядил нескольких братьев для основания специализированного госпитальерского ордена; госпитальерские правила говорят, что заразившиеся проказой должны покинуть орден, и они вполне могли вступить в орден Святого Лазаря, как и прокаженные тамплиеры. Известна также странная легенда, что все первые магистры были прокаженными. Орден управлял сетью «лазаретов» в Си-

⁷ Профессор Райли-Смит полагает, что в основе этого предания о василианском происхождении больницы может лежать тот факт, что многие первые члены ордена были итальянцами греческого обряда – в самых ранних хартиях ордена Святого Лазаря в качестве имен свидетелей можно встретить множество имен, характерных для Южной Италии.

рии и Европе, организованной на основе командорий, аналогичных командориям ордена Святого Иоанна. После Второго крестового похода Людовик VII учредил дом лазаритов в Буаньи, недалеко от Орлеана, а Роджер де Моубрэй основал еще один в Бертон-Лазарсе в Лестершире; множество лепрозориев во Франции и Англии получали средства от этих командорий, которые, в свою очередь, зависели от крупнейшего заведения ордена в Иерусалиме. Сам по себе он владел значительными материальными средствами, и его собратом-мирянином был Раймунд III, граф Триполи. Вероятно, они носили черное одеяние, напоминавшее госпитальерское; зеленый крест на нем появился только в XVI веке. Рыцари-лазариты всегда были малочисленными, и для защиты у них была лишь горстка непрокаженных братьев, хотя в тяжелые времена за оружие брались конечно же и больные. Орден всегда оставался прежде всего благотворительным, даже если и принимал участие в некоторых битвах.

Еще одной военно-монашеской общиной в Утремере XII века был орден Монтегаудио. Булла Александра III от 1180 года признала его орденом цистерцианского устава, который, помимо выкупа пленных, давал клятву бить сарацин и откладывал на эти цели четверть своих доходов. Монтегаудио – это замок на холме, который получил имя от радостного возгласа паломников (Монте-Гаудио – гора радости), которые впервые видели Святой град с вершины. Основал орден испанец, граф Родриго, бывший рыцарь ордена Сантья-

го, который дал новым братьям земли в Кастилии и Арагоне, а король Балдуин IV препоручил им несколько башен в Аскалоне. Они облачались в белую одежду с красно-белым крестом. Сам Родриго, человек непостоянный, стал первым магистром. Орден не добился процветания. Ему было трудно находить новобранцев, так как большинство испанцев предпочитало вступать в великие ордена своей страны. После 1187 года остатки ордена удалились в Арагон, где стали орденом госпиталя Святого Искупителя, а их кастильские командории перешли к тамплиерам.

Глава 3

Иерусалимский оплот

Графство Эдесса было самой незащищенной из франкских территорий. Оно располагалось на двух берегах Евфрата и было скорее месопотамской пограничной областью, чем сирийским государством. Несмотря на богатые сельскохозяйственные угодья, там было мало замков, а имевшиеся были не доукомплектованы незаменимыми франкскими рыцарями. Все зависело от графа. Жослен I был блестящим полководцем героического склада, само его присутствие отгоняло разбойников. Однако его сын, наполовину армянин, сменивший его в 1129 году, оказался труслив и нерешителен. Жослен II предпочитал жить в приятном замке Турбессель на западном берегу Евфрата, а не в опасной столице своих владений, чью защиту он предоставил чему-то вроде городской стражи, набранной из армянских и сирийских наемников. И вдруг в ноябре 1144 года «голубоглазый дьявол» из Алеппо, ужасный атабек Занги, осадил и взял Эдессу в канун сочельника.

Западное христианство ужаснулось. Бернар Клервоский все оставшиеся силы бросил на призыв к Второму крестовому походу, и осенью 1147 года две армии достигли Анатолии: одну возглавлял император Конрад III, другую – французский король Людовик VII. В октябре немцы потерпели

разгром при Дорилее, когда их осадили сельджуки, и бежали в Никею, где к ним присоединились французы. К январю боевой дух воинов, измученных зимними бурями и нехваткой еды, упал. После особенно яростной атаки, в которой противник едва не захватил королеву Элеонору и чуть не убил Людовика, король потерял всякую уверенность в своих полководческих способностях и передал все командование магистру тамплиеров.

Эврар де Бар был идеальным Бедным Рыцарем, наполовину фанатично верующий, наполовину опытный солдат. Он присоединился к Людовику во Франции с отрядом из 300 испанских тамплиеров, многие из которых, вероятно, вступили в орден только на время Крестового похода, за что им пришлось заплатить некоторую сумму. Впервые тамплиеры надели плащи с красными крестами. Короля впечатлили и дипломатические таланты Эврара, когда тот договаривался с византийцами, и его братья-рыцари, которые одни в войске сохранили дисциплину. Магистр восстановил порядок, вывел разбитую армию к берегу моря, где Людовик сел на корабль со своей конницей, а пехоту оставил биться дальше.

Хотя погибли тысячи, Конрад воссоединился со своими людьми, и в июне 1148 года в Акре собралась объединенная армия – французская, немецкая и сирийская. Раймона де Пюи позвали на военный совет, чем признали военное значение его ордена. Совет принял гибельное решение – напасть на дамасского эмира Унура, сарацинского владыку, который

очень хотел заключить союз с франками. Эта ошибка в конечном счете привела к объединению мусульманской Сирии. Дело окончилось провалом, который вызвал взаимные упрёки; крестоносцы считали баронов Утремера – пуленов полутурками, а латинские сирийцы своих северных кузенов – опасными немытыми фанатиками. В 1149 году Второй крестовый поход сошел на нет, нанеся невосполнимый урон престижу франков.

Иерусалим устоял в основном благодаря талантам Балдуина III (1143–1162) и его вспыльчивого брата Амальрика I (1162–1174). Они родились в Сирии, в их жилах текла доля армянской крови, они были женаты на византийских принцессах и полностью осознавали растущую опасность, грозившую их родине. Будучи энергичными воителями, они надеялись расширить свою территорию. Франкские замки уже строились в заливе Акаба на караванном пути из Багдада в Каир. Когда в 1153 году король Балдуин захватил Аскалон, это был странный случай недостойного поведения со стороны магистра тамплиеров Бернара де Трембле. Отряд «мстителя на службе у Христа, освободителя христианского народа» пробил городскую стену, где брат Бернар поставил охрану, чтобы туда не вошли другие франки, и с сорока избранными братьями проник в город. Они погибли все до единого, но безрассудство магистра приписывали не доблести, а жадности. Вместе с тем именно Раймон де Пюи убедил короля продолжать осаду. Госпитальеры тоже постепенно становились

лись солдатами.

Теперь ордена совместно могли выставить на поле боя почти 600 рыцарей, половину от общего числа рыцарей королевства, а их владения неуклонно расширялись. Граф Триполи Раймунд II (1137–1152) был собратом госпитальеров и в 1142 году доверил своим товарищам по вере ключевую твердыню своего графства – огромную крепость Калат-аль-Хосн, которую они перестроили и называли Крак-де-Шевалье. Раймунд III (1152–1187) тоже был собратом госпитальеров, и за время его долгого плена они приобрели крепости в Арке и Аккаре и многие другие. Так госпитальеры стали крупнейшими землевладельцами государства, хотя с ними и соперничали тамплиеры, имевшие большие владения на севере. В Антиохии имело место аналогичное разделение территории, и они получили в свои руки многие замки королевства. Соответственно возрастало и общее значение орденов, оба магистра были членами Высшего совета государства, а командоры Антиохии и Триполи входили в высшие советы своих областей. Патриарху и магистрам Храма и Госпиталя были вверены три ключа от королевской сокровищницы, где хранилась корона, – подходящий символ их власти. Князья продолжали даровать им земельные угодья. Многие сеньоры предпочитали удалиться в какую-нибудь роскошную виллу на берегу моря, а у братьев были и люди, и деньги, чтобы управлять сирийскими крепостями и, кроме того, решать такие проблемы, как поиск супругов богатым наследникам и

опекунов детям. Пожертвования и новобранцы шли из Европы постоянным потоком.

Их главным критиком было местное духовенство. Военные ордена фактически превратились в церковь внутри церкви, и их священники не только не отвечали перед инспектирующими епископами, но и были освобождены от всех финансовых обязательств. Братья пререкались с церковными сановниками из-за сборов, десятины и полномочий, их обвиняли в том, что они допускают к своим службам отлученных. Когда в 1154 году патриарх Иерусалимский приказал им прекратить подобные дела, госпитальеры прервали проповедь, перекричали его и стали стрелять из луков по его пастве. Тамплиеры удовольствовались тем, что постреляли в дверь его храма. В 1155 году патриарх поехал в Рим, чтобы просить папу отдать военные ордена ему в подчинение, но брат Раймон последовал за ним и получил у папы подтверждение всех привилегий госпитальеров. Духовенство Утремера неохотно признало независимость братьев, но их хронисты всегда отзывались о них нелестно.

Братья умели легко приспособливаться и приобретали разные умения. Некоторые учили арабский (высшие офицеры держали сарацинских секретарей), а их шпионская служба не имела себе равных. Им пришлось заполнить такой институциональный вакуум, как банковское дело, ибо только они обладали необходимыми помещениями, организацией и честностью. Тамплиеры стали профессиональными финан-

систами; деньги, собранные для Святой земли, передавались со всех европейских прецепторий в Иерусалимский Храм, а паломники и даже мусульманские купцы держали деньги в местных храмах. Братьям нужны были средства на закупку оружия и снаряжения, на строительство крепостей, вербовку наемников и подкуп врагов, так что деньги в их укрепленных подвалах вряд ли лежали без дела; церковный запрет на ростовщичество они обошли тем, что добавили проценты к сумме, которую следовало уплатить, и наняли арабских специалистов, чтобы вести дела на финансовых рынках Багдада и Каира, а также предоставляли превосходные услуги по переводу векселей. Во многих отношениях воины-монахи стали предтечами великих банкирских домов Италии.

И тамплиеры, и госпитальеры обнаружили, что транспортировка войск на собственных кораблях обходится им дешевле, и для паломников поездка была доступной; в определенный период времени тамплиеры доставляли по 6 тысяч паломников в год⁸. Их корабли пользовались популярностью, потому что они держали целую флотилию сопровождения, и можно было рассчитывать, что они не прода-

⁸ «Более того, Марселю как центру по транспортировке из Франции в Святую землю пришлось в 1253 и 1255 годах издать нормативные акты для регулирования перевозок. Корабль должен был брать на борт не более полутора тысяч паломников. Пассажиры первого класса, которые размещались в каютах на палубе, платили по 60 су; пассажиры второго класса, размещавшиеся между палубами, – по 40; третьего класса, на нижней палубе, – по 35; а четвертого, занимавшие трюм, – по 25 су. Каждый паломник получал номерной билет» (Джоан Эванс. «Жизнь в средневековой Франции»).

дуг своих пассажиров в рабство в мусульманском порту, как делали иногда итальянские купцы. А незанятое место было естественно отдать под товары, поэтому они экспортировали пряности, крашеный шелк, фарфор и стекло, на сто процентов используя свои преимущества, поскольку были освобождены от уплаты таможенных сборов, и вскоре стали соперниками своих деловых партнеров – левантийских купцов.

Вся эта деятельность едва ли сочетается с именем «Бедные Рыцари». Как указывал Жак де Витри, тамплиеры не владели личной собственностью, но при этом казалось, что как единое целое они хотели владеть всем. Тем не менее их жизнь была столь же аскетичной, чем прежде. К тому моменту чисто созерцательные монашеские ордена, безусловно, уже не были новичками в высоких финансовых сферах; цистерцианские способы ведения сельского хозяйства принесли белым монахам громадное состояние – многие английские аббатства на годы вперед продавали свою продукцию – изделия из шерсти. Хотя конкуренция за прибыль мало способствовала любви между тамплиерами и иоаннитами, все же перед лицом настоящей опасности оба ордена объединились.

В 1154 году молодой халиф Фатимидов пал от руки своего же фаворита-гомосексуала Насра, который бежал в Сирию, где попал в плен к тамплиерам. Пытаясь спасти собственную жизнь, он попросил их наставить его в католической вере. Однако ему не удалось обмануть рыцарей, не питавших

к нему сочувствия. Они приняли 60 тысяч динаров, предложенные Каиром за него, и египтяне увезли Насра домой в железной клетке, и там его сначала страшно изувечили четыре вдовы халифа, а потом еще живого распяли на воротах Баб-Зувейла, где гниющий труп провисел два года. Деловая хватка членов ордена огорчала по крайней мере одного современного им летописца.

Известен один армянин, вступивший в братство в качестве рыцаря; вероятно, гораздо больше получили возможность стать сержантами (среди которых также были арабы-христиане). Неудачно у тамплиеров сложилось с братом Млехом из киликийской правящей династии, «человеком чрезвычайно озлобленным и вероломным». Дав обеты Бедного Рыцаря, он попытался убить собственного брата князя Тороса, потом бежал в Дамаск, где перешел в ислам. В 1170 году он вернулся с сельджукскими войсками, чтобы завоевать Киликию, атаковав перед этим оплот тамплиеров в Баграссе. «Этот неверный армянин» питал жгучую ненависть к бывшим единоверцам и особенно жестоко обращался с пленными тамплиерами. В конце концов, возмущенные отступничеством своего князя, его убили собственные подданные.

Брат Раймон умер в 1158 году. Его сменил магистр госпитальеров брат Жильбер д'Ассейи. До 1168 года политика короля Амальрика по отношению к Египту отличалась реализмом и была направлена на альянс с визирями шиитского

халифа против суннита Нур ад-Дина, который тогда правил Алеппо и Дамаском. Однако было ясно, что режим Фатимидов близится к концу, и Амальрик заключил союз с императором Мануилом I Комнином; византийцы должны были ударить с моря, а все объединенные войска Иерусалима – с суши. Успех зависел от помощи императора, который был занят военной кампанией в Сербии. Амальрик был готов подождать, но вмешался брат Жильбер, предложив 500 рыцарей и 500 туркополов в обмен на город Бильбейс. После этого бароны не желали больше ждать, ведь перед ними маячили сказочные богатства Каира. Брат Бертран де Бланшфор, магистр ордена тамплиеров, отказался поддержать экспедицию; у них не хватало людей, чтобы и вести военные действия, и в то же время отражать контрудары, которые безусловно должны были последовать с северо-востока.

Голова Иоанна Крестителя. Печать госпитальерского приора Англии XIII в.

Франки захватили Бильбейс, но войска вышли из-под контроля, и случилась резня, в которой погибли и местные христиане. Египтян объяла паника, и сам халиф написал Нур ад-Дину с просьбой о помощи, после чего атабек прислал своего военачальника Ширкуха, курда, с 8 тысячами всадников. Ширкуха провозгласили визирем, но вскоре после этого он умер от обжорства, и его сменил племянник Салах ад-Дин

Юсуф ибн-Айюб, более известный просто как Саладин. В следующие два года последний халиф Фатимидов простился с жизнью, и шиитский Египет вернулся в суннизм; франкский протекторат сменился осью Каир – Алеппо, самой внушительной коалицией, когда-либо угрожавшей Утремеру.

Орден Госпиталя почти обанкротился, потому что поставил все доступные средства на успешный исход кампании. Брат Жильбер не был образцом самообладания, и провал вывел его из себя. Летом 1170 года у него, как видно, случился нервный срыв, и он ушел в пещеру в Хавране, чтобы стать отшельником. В конце концов его удалось выманить оттуда, но, невзирая на мольбы генерального капитула, он отказался занять пост магистра; позже он утонул при пересечении Ла-Манша. Госпитальеры понесли тяжелые потери, и у них ушли годы, чтобы восполнить утраченные финансовые и человеческие ресурсы.

В 1173 году «новые Маккавеи», как папа Адриан IV, англичанин, назвал тамплиеров, вдребезги разругались с королем из-за ассасинов. Эти «хашишины», то есть употребляющие гашиш, были шиитской экстремистской сектой, чей основатель ставил во главу всего доктрину джихада – о том, что наградой за гибель в бою с неверными будет райское блаженство. Их оружием был отравленный нож, плоские лепешки – фирменным знаком, они терроризировали как мусульман, так и христиан. Организация секты слегка напоминала военно-монашеское братство. У них было несколько «ор-

линых гнезд» в ливанских горах Носаири, поэтому их главу называли Шейх аль-Джабаль, Старец Горы. В 1173 году это был Рашид ад-Дин Синан, которого весьма встревожил конец Фатимидского халифата. Вдруг он отправил посольство к королю Амальрику, объявил, что вскоре намерен перейти в христианство, и попросил освободить его от наложенной тамплиерами дани. Король понимал, насколько стоит доверять таким словам Рашида, но мир в Носаири и возможность использовать шпионскую сеть ассасинов стоили того, чтобы попробовать. Он отменил дань и объявил, что отправит к шейху своих послов. На обратном пути тамплиеры под предводительством одноглазого Готье де Мениля устроили засаду посланцам ассасинов, захватили их и обезглавили. Амальрик пришел в такую ярость, что придворные испугались, не лишился ли он рассудка. Он уже имел проблемы с тамплиерами и даже велел повесить десятерых за сдачу замка без дозволения. Он приказал магистру Одо де Сент-Аману передать виновных ему. Брат Одо отказался, но предложил отослать оступившегося брата в Рим – один папа мог решить это дело. Однако Амальрик ворвался в комнаты магистра, схватил Готье и бросил его в тюрьму.

На следующий год Нур ад-Дин умер. Теперь Саладин правил Дамаском и Каиром, и в 1176 году его провозгласили владыкой Египта и Сирии с официального благословения багдадского халифа. Курдский авантюрист, который силой пробил себе дорогу к трону, добившись цели, он стал в своем

роде мусульманским Людовиком Святым, кем-то вроде мистика и аскета, который постился, спал на жесткой циновке и вечно раздавал милостыню — по остроумному выражению Гиббона, «между тем как он мог равняться с арабским пророком в воздержанности, он превосходил этого последнего в целомудрии». Он стремился восстановить единство суннитского ислама, что означало джихад против франков. Тем не менее со своим восприимчивым и любознательным умом он понял, что в христианстве есть много хорошего, даже если там нет «третьего откровения», и рыцарский кодекс франков заинтересовал его. Франки глубоко уважали его за смелость и великодушие; ходила даже легенда, будто бы в юности его посвятил в рыцари констебль Иерусалима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.